

Ведущая
Наталья
ДАРДЫКИНА

ОСТРОВ ЛИТЕРАТУРА

Покаяние

35 лет назад на мой стол зав. отделом литературы и искусства "Московского комсомолец" лег тяжелый почтовый конверт со стихами крамольного поэта Иосифа Бродского.

В присланных стихах никакого намека на политику, никакого эпитафия — чистая лирика. Я включила Бродского в очередную литстраницу и вместе с другими материалами отнесла главному редактору Аркадию Удалову. На мое докливание: "Смотри, какие отличные стихи!" — Аркадий улыбнулся как-то саркастически, а протом полез в стол, что-то разыскал и отрезал: "Не могу напечатать твоего Бродского — он тут в список включен..." — "Кем?" — спросила я. Ответил: "Не моя тайна".

Недели через полторы к нам на Чистые пруды, в маленький кабинет литературы, тихо и скромно вошел молодой человек в густой рыжей бороде, настоящий таежник, и представился: "Здравствуйте, я Бродский". Не скрывать чувства стыда, беспомощности и растерянности. Сказала, что стихи очень понравились, но редактор по какой-то причине не может их напечатать. Иосиф присел в низкое креслице, пока я доставала из стола его страницы. Приняв свои стихи, он сказал тихо, без возмущения: "И на том спасибо, что прочли". И медленно, словно ноги налились свинцом, вышел.

Меня поразило в нем полное отсутствие реакции. Впрочем, он другого и не ожидал. Внешним неучастием он только подчеркнул свое достоинство. Похожее состояние можно обнаружить и у лирического героя в стихотворении "Фонтан": "Пересохла уста, и гортань проржавела: металл не вечен. Просто кем-нибудь нагнуло кран заверчен".

Он побывал в тюрьме три раза

"Впервые, когда мне было девятнадцать лет, потом в двадцать один год, затем — в двадцать четыре". Молодого парня преследовали за непохожесть на других. Ося после 8-го класса распростился со школой — не хотел загружать лишним свою память, настроенную на поэзию и философию. В коммунальной квартире у семьи Бродских была одна большая комната. Ося проявил изобретательность — свой "угол" отделил книжными полками и платяным шкафом, убрав из него заднюю стенку. Открываешь дверцу в шифоньер — и шагнешь к себе, в изоляцию от всех, останешься наедине с любимыми стихами и с собственным миром.

Когда-то Иосиф написал про петухов, что отправляются на заре "за жемчужными зернами": "Мы нашли его сами и очистили сами". Эта "самость" определила весь путь поэта. В 64-м Бродского будут судить за тунеядство, а он с пятнадцати лет работал, отхлебывал от разных профессий, сколько требовали его молодость и цепкое зрение поэта. В шестнадцать лет с геологической партией исхаживал пешком большие километры — счетчиком Гейгера искали уран. Не тогда ли пострадало слабое сердце поэта? Недреманное око спецслужб находило что-то особенное в поведении и в текстах молодого стихотворца. Вероятно, их пугал и настораживал странный Гость его стихов: "Постойте же. Ко мне приходит Гость, из будущего времени приходит". Служителям порядка не нравился и облик пришельца: "Гость белой нищеты и белых сигарет. Гость юмора и шуток непоместных, Гость неотложных, горестных карет, вечерних и полуночных арестов". И уж совсем вызов: "Гость памяти моей, поэзии моей, великий Гость побед и унижений". Все! Пора брать и пытаться на суде вопросах: "Кто может подтвердить, что вы поэт? Кто зачислил вас в разряд поэтов?" А гражданин Бродский посмел дерзить и задавать суду свои вопросы: "Никто... А кто причислил меня к роду людскому?"

Сосланный на пять лет в глухую деревню на исправительные работы, странный Иосиф любил свое одиночество, особенно зимой, когда снега застилают дороги, гудит огонь в печке, и белый лист просит букв и слов. Поэт пристрастно читает жизнь свою, слушает странные голоса, шорохи, движения. "Так в ночной темноте, обнажая надежды беззубия, по версте, по версте отступает любовь от безумия". И появляется одно из трогательных и чистых посланий М.Б. Завершается оно предощущением смерти: "То ли вправду звенит тишина, как на Стиксе уключина. То ли песня навзрыд сложена и посмертно заучена". Прекрасные стихи!

Пока Бродский находился в атмосфере благодатного внимания Анны Андреевны Ахматовой, невозможно было отнестись небрежно к собственным текстам. Понравились ли бы ей поздние вещи Иосифа, в которых преобладает повествовательность, ответить трудно. В деревне Норенской он "чистил хлев, гру-

зил навоз, работал в поле". Ему интересны были добродушные люди, и они полюбили Ося, оценили его незлобность и простоту. Именно здесь окончательно определился стиль всего последующего творчества поэта: воображаемый разговор с людьми — с друзьями, с поэтами и с мирозданием. Он закликает северный край: "Как смолу под корой, спрячь под веком слезу..." Бродский считал этот период своей жизни одним из самых благотворных.

Когда ссыльного через полтора года отпустили под докливание протестов, местных и зарубежных, он приехал сразу не в Ленинград, а к своему другу, к Жене Рейну, в Москву — привести себя в порядок, как он сказал — "отмыться". Но у жизнерадостного Рейна ванны не оказалось. Жена позвонил Евтушенко, и друзья отправились к нему. А к вечеру Евгений Александрович заказал столик в "Арагви"...

Одиночество как крест

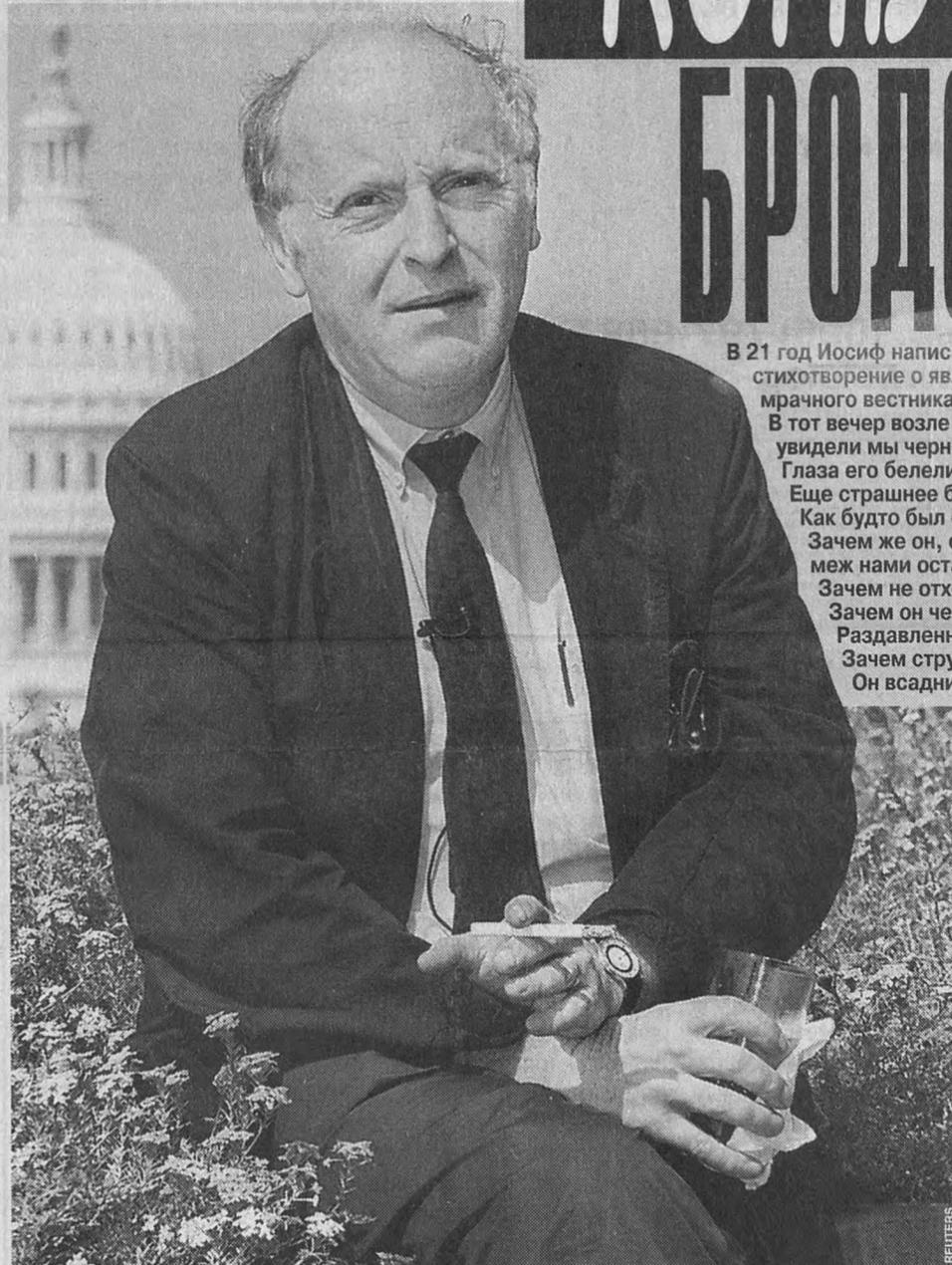
На чужбине усилились мотивы одиночества. Поэт философствовал: "Все мы приближаемся к поре безмерной одиночества души". Нобелевский лауреат и в зените славы не чувствовал себя счастливым. Недовольство собой, опустошение сквозило даже в философской лирике. Он несколько раз обращается к Урании, богине астрологии, обнаженной, бесплотной, без очертаний. Похоже, Иосиф знал о своем знаке в гороскопе. Он Блинец в стихии воздуха. "Литовский ноктюрн Томасу Венцлова" полон метафизических восклицаний и параллелей с этой "Музой точки в пространстве, музой утраты очертаний". Стихотворение "К Урании" начинается со скорбного выхода: "У всего есть предел, в том числе у печали". Свое одиночество теперь он определяет тематически — это "человек в квадрате". Как это понять? Наедине с самим собой? Или в обществе с этой обнаженной воздушной богиней?

В Нью-Йорке, в холодной полуподвальной квартирке на Мортин-стрит в Гринвич-Виллидж, возникали ви-

Черный конь

Бродского

В САН-МИКЕЛЕ

Люди едут в Венецию за гондолами, карнавальными масками и мостами. Я поехал на кладбище. Жена крутила пальцем у виска. Коллеги и знакомые понимающе молчали, как психиатры.

"Я считаю себя русским поэтом, англоязычным эссеистом и гражданином США", — сказал как-то Бродский. В таком случае Венеция для его праха — самое естественное место.

Есть могилы, мимо которых невозможно пройти. А есть могилы, найти которые невозможно. У Бродского на острове-кладбище Сан-Микеле — вторая. Спасибо немногим русским, которые наклеили скотчем рукописные указатели. Спасибо большому старому лавру, в тени которого стоит скромное надгробие из белого мрамора. Иначе можно было плутать весь день.

На надгробии Бродского только имя-фамилия (по-русски и по-английски) и годы жизни. Фотографию тоже кто-то приклеил скотчем. Сверху — положенные по еврейскому обычаю камешки, снизу — православные свечки. И все вокруг усыпано лавровыми листьями. Я решил навести порядок. Смел их в совок и выбросил. Теперь думаю, что зря. На могиле Бродского для них самое естественное место. Айдер МУЖДАБАЕВ.

Венеция Ленинграда, где без него рос сын Андрей. "Венецианские строфы" психологически очень точны. Поэт от имени себе подобных итожит: "Ночью мы разговариваем с собственным эхом" и неожиданно идет на откровенность, наверное, потому, что стихотворение посвятил поэту и переводчику Сюзанне Зонтаг: "Тянет раздеться, скинуть суконный панцирь, рухнуть в кровать, прижаться к живой кости..." Выказанный порыв вовсе не эротического свойства. В нем нет страсти. Замедляющие глаголы передают тщетность и невозможность преодоления одиночества.

Бродский вглядывается в пустоту. Она для него "хуже Ада". В стихотворении "Похороны Бобо" за творник вновь сближает эти метафизические понятия: "Я верю в пустоту. В ней, как в Аду, но более херово. И новый Дант склоняется к листу и на пустое место ставит слово".

Обманутая любовь

Да, для Бродского, для "нового Данта", превыше всех страстей стало слово. Любовной лирики в привычном понимании, как объяснения в любви, у него почти нет. Долгим и желанным его собеседником была любимая М.Б. — красавица Мария Басманова, художник-самоучка. История эпистолярных обращений к ней дает роскошный материал для исследователей творчества поэта и психологов, и очень трудно непосвященному читателю вынести из стихов что-то конкретное об этой женщине, не последовавшей за возлюбленным в ссылку. М.Б. приезжала в деревню к Осе. Но не одна! Вместе с ней туда пожаловал его поэтический единомышленник и друг Дмитрий Бобышев. Одного взгляда было доста-

точно, чтобы увидеть неожиданно проявленный любовный треугольник. Самое ужасное, что уходящая с другом Мария носила под сердцем его сына. Бродский не идеализировал собственную персону. Свое отражение в зеркале он не переносил, называл "исчадием ада", повторял эту ироническую фразу в своих интервью. "Развивая Платона" (1976 г.), не пощадил себя, прибег к гиперболе: "Там, при виде зеленой пальмы, в витрине авиалиний просыпалась бы обезьяна, дремлющая во мне". Значительно позже, когда буря всемирных песнопений по адресу нобелевца несколько улеглась, он посвящает М.Б. свое последнее послание. А что ей, Марии, его душевная мука? Она вышла замуж за Бобышева, родила Андрея Басманова... Однажды сын посетил поэта в Нью-Йорке. В комнате Бродского, над каминном, висели две фотографии: Ахматовой и поэта с сыном. По завещанию отца Андрей Басманов получает гонорары за все издания Бродского в России...

Жизнь понуждала Бродского быть и холодным, и раздражительным, и резким, а иногда и несправедливым. Сам он всего более ценил в человеке "умение прощать, умение жалеть". Этим своим качеством, по

его признанию, Иосиф был обязан Анне Андреевне. В 90-м году на прямой вопрос — считает ли он себя человеком более или менее одиноким? — ответил чистосердечно: "Не более или менее, а абсолютно". И это ощущение с годами усиливалось в нем. По его понятию, поэт, словно улетающий во Вселенную космонавт, "начинает подчиняться другим внешним законам гравитации".

Не стану влезать в эту схоластику. Поэт слишком поздно заметил в себе утраченное чувство дома, которое вдруг прорезалось в штабле Массачусетс, где он купил деревенный домик и обрел естественную среду: "Дом — это место, где тебе не задают лишних вопросов. Там никого нет, там только я". И еще: "Поэту лучше, когда его оставляют в покое". По его убеждению, семейная жизнь — тоже помеха творчеству.

И все-таки встреча в Париже с почитательницей и полурусской Марией — вот судьба! — очень красивой и очень молодой, завершилась браком. 93-й год. У семьи новая квартира на трех этажах. Родилась дочь Анна Александра Мария. Он объяснял: "Анна — в честь Анны Ахматовой, Александра — в честь моего отца. Мария — в честь моей матери и в честь моей жены, которую тоже зовут Мария". Других песнопений во славу жены мне не довелось встретить, по добрым тем, что он придумывал для Басмановой: "Со мной была смуглая леди моих сонетов".

Тоска по читателю

Бродский не считал себя "образцом социальных добродетелей". Однажды из глубин подсознания вырвалась строка: "Тихотворение мое, мое немое... Куда пожалуемся на ярмо и кому поведем, как жизнь проводим?" А ночью, наедине, он испытывает нечто ужасное: "вручную стряхиваешь пыль безумия".

Живое слово наконец растопило лед метафизики — и поэт уныл или вообразил русских весельчаков, ершников и монахов. И получилось "Представление" — своеобразный народный вертеп. Не на сцене, а на улице, в пивной или под забором подвыпивший и талантливый на слово люд власть повеселился: "Говорят, открылся Пленум". "Врезал ей меж глаз поленом". Автор-интеллигент сам юморит в духе уличного стеба: "И младецы в колбыли, слыша "баюшки-баю", отвечает "мать твою!". В "Представлении" досталось и классикам — от Гоголя до Толстого. Пушкинские "прибегали в избу дети" участвуют в вертепе: "И вбегают в избу к тятю выгнать тятю из кровати. Что попишешь? Молодежь. Не задумай, не убьешь". В финале лирический герой произносит приговор всей соц. системе: "Это — время тихой сапой убивает маму с папой". Но вблизи Кремля лирический герой высказался суровее: "Лучший вид на этот город — если сесть в бомбардировщик". Читатель выбирает — веселиться ему или плакать.

Последние мгновения

Joseph Brodsky в 92-м получил звание поэта-лауреата США. Он все меньше писал стихов и скромно называл их "стишками". В лучших из них заключены покаянные слова: "Не ослепни, смотри! Ты и сам сирота, отщепенец, стервец, вне зачине, не последовавшей за возлюбленным в ссылку. М.Б. приезжала в деревню к Осе. Но не одна! Вместе с ней туда пожаловал его поэтический единомышленник и друг Дмитрий Бобышев. Одного взгляда было доста-

точно, чтобы увидеть неожиданно проявленный любовный треугольник. Самое ужасное, что уходящая с другом Мария носила под сердцем его сына. Бродский не идеализировал собственную персону. Свое отражение в зеркале он не переносил, называл "исчадием ада", повторял эту ироническую фразу в своих интервью. "Развивая Платона" (1976 г.), не пощадил себя, прибег к гиперболе: "Там, при виде зеленой пальмы, в витрине авиалиний просыпалась бы обезьяна, дремлющая во мне". Значительно позже, когда буря всемирных песнопений по адресу нобелевца несколько улеглась, он посвящает М.Б. свое последнее послание. А что ей, Марии, его душевная мука? Она вышла замуж за Бобышева, родила Андрея Басманова... Однажды сын посетил поэта в Нью-Йорке. В комнате Бродского, над каминном, висели две фотографии: Ахматовой и поэта с сыном. По завещанию отца Андрей Басманов получает гонорары за все издания Бродского в России...

Жизнь понуждала Бродского быть и холодным, и раздражительным, и резким, а иногда и несправедливым. Сам он всего более ценил в человеке "умение прощать, умение жалеть". Этим своим качеством, по

Наталья ДАРДЫКИНА.